

И. Б. Берго

**ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ АБСОЛЮТИЗМУ
и ПОПЫТКИ РЕФОРМ в 1749—1776 годах**

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

В политической истории Франции Старого порядка одним из важных этапов является третья четверть XVIII в — период, характеризующийся сложным и оригинальным переплетением различных по своей природе и значению общественно-политических процессов. В эти годы все больший размах приобретает оппозиция абсолютистскому режиму со стороны парламентов — верховных судебных палат королевства. С середины XVIII столетия в давнем противостоянии парламентов и королевской власти наступает качественно новый этап. Парламенты, к 50-м годам прочно занявшие положение лидера дворянского сословия, становятся в прямую политическую оппозицию абсолютистскому режиму, находившемуся уже в состоянии упадка и общего кризиса. В то же время именно в 1749—1776 гг. абсолютизм предпринимает ряд реформ. В 1749 г генеральный контролер финансов Машо д'Арнувиль попытался ввести новый бессрочный налог-двадцатину, ущемлявший интересы привилегированных, а также осуществил ряд мероприятий в духе экономической теории физиократов. Однако из-за сопротивления оппозиционных сил от основного замысла финансовой реформы пришлось отказаться. В 1770—1774 гг. по инициативе канцлера Мопу была проведена так называемая судебная реформа, острием своим направленная против парламентов она решающим образом изменяла облик этих корпораций, лишала их политического веса и ломала тем самым стержень парламентской оппозиции. В 1774 г реформа была полностью отменена. Наконец, предложенная в 1774—1776 гг. генеральным контролером финансов Тюрго наиболее последовательная, целенаправленная программа реформ в духе буржуазного развития страны также не была претворена в жизнь. Таким образом, все три реформы, разные по содержанию, направленности общественной значимости, осуществить не удалось. Какова была динамика политического противостояния парламентов и абсолютизма в третьей четверти XVIII в., насколько возможно выявить соотношение между парламентской оппозицией и реформами? Эти и другие близко связанные с ними вопросы органично вписываются в современные споры о предыстории Великой французской революции, о возможных путях развития общества Старого порядка, о «просвещенном абсолютизме» как альтернативе буржуазной революции.

Изучение политической истории Франции предреволюционных десятилетий имеет давние историографические традиции. В историографии XIX в проблема соотношения парламентской оппозиции и предпринятых абсолютизмом реформ специально не ставилась, но та или иная реформа, а также истории отдельных парламентов рассматривались под углом зрения дальнейшего развития страны, причем существенным моментом в анализе этих сюжетов были размышления о возможности предотвращения революции. Очень показательна в этом смысле монография М.Мариона «Машо д'Арнувиль». Автор, историк позитивистского толка, весьма консервативный в своих общественно-политических воззрениях, подробно анализирует реформу «великого реформатора XVIII в.» Машо, осуществлявшуюся, по его мнению, в духе политики «просвещенного абсолютизма». Марион с сожалением отмечает, что в силу ряда причин радикальная реформа, которая могла бы подорвать основы Старого порядка и изменить судьбу страны, потерпела неудачу.

Ж.Фламмермон, автор первого обстоятельного исследования реформы Мопу, приходит к выводу, что восстановление старых парламентов в 1774 г. было ошибкой, поскольку конфликт между этими корпорациями и королевской властью «возбудил страсти» и породил идеи, которые «вскоре были реализованы», т.е. способствовал приближению революции². Для работ Мариона и Фламмермона характерны описательность, отсутствие теоретических обобщений, но по манере изложения материала ясно, что Великая французская революция трактуется не как объективно обусловленное общественное явление, а как историческое событие, порожденное случайным совпадением ряда не связанных между собой факторов политического и социального характера. Среди этих факторов важная, а иногда и основная роль отводится парламентской оппозиции, блокировавшей реформы абсолютизма.

Иную оценку парламентам дает Ф.Рокэн, историк умеренно консервативных взглядов. Он полагает, что в 1754 и 1771 гг. страна уже «находилась на пороге революции» и что для Франции гораздо лучше было бы испытать революционные потрясения именно тогда, ибо в то время движением руководил бы парламент, который мог повести страну к конституционной монархии английского типа, избавив ее тем самым от 1789 г., якобинцев и террора³.

В первой половине XX столетия политическая история Франции предреволюционных десятилетий изучалась сравнительно мало, но начиная с 50-х и особенно в 60—70-е годы интерес к ней вновь усилился. Теперь уже не только французские, но и английские, американские, итальянские, западногерманские историки занялись изучением этого периода. Накопление огромного фактического материала, обращение к разработке социально-экономических аспектов истории позволили вывести изучение политических проблем на качественно иной уровень. Одновременно резко обострились и никогда полностью не стихавшие споры вокруг Великой французской революции. Фактически в конце 60-х и в 70-е годы W в буржуазной историографии оформилось особое течение, претендующее на «реинтерпретацию» этого события⁴. При этом труды приверженцев этого течения посвящены главным образом истории Франции последних десятилетий Старого порядка, а не самой революции. Характерно, что принципы, потенциально заложенные в упомянутых выше традиционных интерпретациях и не вполне осознававшиеся самими их авторами, в работах современных историков «ревизионистской школы» обрели концептуальное значение, превратившись в один из постулатов «нового прочтения» революции.

Инициатором такого «пересмотра» стал английский историк А.Коббен. В 1950 г. в статье «Парламенты Франции в XVIII веке»⁵ он охарактеризовал этот институт как «непреодолимый барьер, о который тщетно бился реформаторский дух столетия»⁶. Именно парламенты, полагает Коббен, несут на себе ответственность за срыв реформ и тем самым — за то, что Франция оказалась перед лицом революции. Между тем во Франции второй половины XVIII в. существовала вполне реальная альтернатива революционному пути развития — самореформирование абсолютной монархии в русле политики «просвещенного деспотизма»⁷.

Эти идеи Коббена позднее были восприняты и отчасти переработаны другими западными историками, в том числе некоторыми представителями современного поколения школы «Анналов». Правда, П.Шоню, Ф.Фюре, Г.Шоссинан-Ногаре не занимались специально такими «частными» сюжетами, как реформы абсолютизма и парламентская оппозиция, однако отдельные сделанные ими замечания позволяют судить об их позиции в этих вопросах, органично вписывающейся и в общую схему «нового прочтения» революции.

П.Шоню, например, считал, что Людовик XV в конце своей жизни проявил себя как «великий государственный деятель», «реформаторский план которого мог бы спасти Европу от бессмысленной резни революции»⁸. Г.Шоссинан-Ногаре, характеризуя реформу Машо, назвал ее «грандиозным порывом самоомолаживания» абсолютной монархии, знамением «эры либерального капитализма»⁹. Парламенты же, по его мнению, упорно сопротивляясь позитивным реформам, не дали монархии «обеспечить себе ресурсы, эквивалентные ее потребностям» и тем самым привели ее к гибели¹⁰. Ф.Фюре упрекает парламенты за «консерватизм», за необоснованные претензии на национальное представительство и полагает, что французская монархия второй половины XVIII в. «уверенно шла по пути просвещенных реформ».¹¹

Наиболее полное выражение эти идеи нашли в книге современного консервативного историка Л.Ложье, посвященной исследованию государственной политики в период реформы Мопу¹². Фактически эта работа является апологией Людовика XV, который, по мнению Ложье, совместно с канцлером Мопу и генеральным контролером финансов Терре предпринял великую и самую серьезную попытку спасти монархию и преуспел бы, если бы его преемник не повернул все вспять. Оппозиция же магистратов только дестабилизировала общество и толкала его «к той абсурдной гражданской войне, какой стала революция».¹³

В то же время в западной литературе оформилась и иная точка зрения на рассматриваемый комплекс проблем. В 1959 г. западногерманский историк Э.Шмитт пришел к выводу, что «развитию конституционного парламентского представительства в революционной Франции был свойствен сильный компонент преемственности через столетия континуитета».¹⁴ Он высоко оценивал роль различных сословных институтов, Генеральных и провинциальных штатов и особенно парламентов для формирования не только во Франции, но и в других западных странах современного режима политического представительства

Эти идеи получили дальнейшее развитие в трудах французского историка Д.Рише. Он квалифицировал революцию как случайное слияние трех разнонаправленных движений — движения проникнутой духом Просвещения дворянско-буржуазной «элиты», крестьянского движения и движения народных масс городов, причем исторически позитивным было только первое движение, которое вело Францию к мирному переустройству общества на либеральных основах. Исходным моментом такого переустройства были «законодательная работа», начатая в XVIII в, пересмотр традиционных концепций абсолютизма «Революция вспыхнула в стране, идущей полным ходом по пути модернизации законодательства», — утверждает Рише.¹⁵ По его мнению, важную роль в этой модернизации сыграли парламенты, активно выдвигавшие идею контроля над королевской властью. История видит в высших судах «представительную ассамблею», способствовавшую мирной трансформации абсолютизма в конституционную монархию

Наконец, следует выделить еще один, третий в современной западной историографии вариант трактовки проблемы. Он был сформулирован английским исследователем В.Доилом. По его мнению, вовсе не мощь оппозиции не дала правительству осуществить необходимые реформы, а нерешительность, неуверенность в своих силах самого абсолютизма.¹⁶ В статье «Парламенты Франции и падение Старого порядка, 1771—1788».¹⁷ Доил уделяет немало внимания доказательству того, что реформа Мопу вовсе не была столь радикальной, чтобы повлиять на судьбу монархии. Тюрго и его реформаторской программе Доил вообще не упоминает. В то же время он склонен недооценивать силу и объективную значимость парламентской оппозиции. Соответственно преуменьшает он и реальное значение конфликта парламентов и абсолютизма, игнорирует его социальное содержание. Противостояние парламентов и королевской власти изображается им как отдельно взятый фрагмент политической истории дореволюционной Франции, как борьба внутри абсолютистской государственной машины. Поскольку при подобном подходе многие события с трудом поддаются научному объяснению, он вынужден преувеличивать отдельных личностей — Мопу, Морепа, Миромениля.

Таковы основные концепции современной западной немарксистской историографии по вопросу о парламентской оппозиции и предпринятых абсолютизмом реформах. Характерно, что, несмотря на различную оценку исследователями исторической роли и значения парламентской оппозиции, реформаторского потенциала абсолютизма, возможных путей эволюции общества Старого порядка, все эти построения ведут к отказу от истолкования революции как закономерного результата социально-экономических сдвигов, как необходимого этапа в процессе утверждения буржуазного строя.

В марксистской историографии проблема парламентской оппозиции абсолютизму специально не рассматривалась. В то же время историки-марксисты внесли существенный вклад в разработку вопросов, связанных с политикой «просвещенного абсолютизма» в ряде европейских стран, в том числе и во Франции. Большинство исследователей сходятся в принципиальной оценке этой политики: она ни в коей мере не была альтернативой буржуазной революции. В основе данной оценки лежит известный тезис, сформулированный К.Марксом: «абсолютная монархия не желает добровольно превратиться в буржуазную монархию, она не согласна на добровольное отречение. Кроме личных предрассудков, монархам связывает руки целая армия гражданских, военных и церковных бюрократов, — эта составная часть абсолютной монархии, которая ни в коем случае не желает променять свое господствующее положение на служебную роль при буржуазии. С другой стороны, феодальные сословия упорно держатся за старое для них речь идет о том, быть или не быть, то есть о сохранении собственности или об экспроприации.»

Понятно, что абсолютный монарх, несмотря на все верноподданнические присяги на верность со стороны буржуазии, видит что его истинные интересы совпадают с интересами этих сословий».¹⁸

А.Собуль отмечает условность самого термина «просвещенный абсолютизм», искусственно соединяющего два несоединимых понятия. Просветители и монархи по-разному трактовали сущность обозначаемой этим термином политики «Если для одной стороны это был просвещенный деспотизм, то для другой — просвещенный деспотизм».¹⁹ По мнению Собуля, политика «просвещенного абсолютизма», при определенной «модернизации» феодального государства в соответствии с требованиями времени, не могла ликвидировать аристократические привилегии и феодальные структуры, лежавшие в основе общества Старого порядка, не подрывая одновременно ту базу, на которой покоилась верховная абсолютистская власть. Изменить социальную структуру общества и привести к власти буржуазию могла только буржуазная революция.²⁰ Во Франции, полагает Собуль, в 50—70-е годы XVIII в. собственно «просвещенного абсолютизма» не было, а реформы имели место только как сугубо практические действия некоторых дальновидных представителей королевской администрации — Машо, Мопу, Тюрго. Яростное сопротивление со стороны аристократии, парламентов, духовенства, провинциальных штатов обрекло эту правительственную политику на поражение.²¹

Несколько иной точки зрения придерживается М.Вовель. Он также обращает внимание на реформы Машо, Мопу и Тюрго, но полагает, что эти реформы как раз и были классическим проявлением «просвещенного абсолютизма».²²

Большинство советских историков, основываясь главным образом на примере России, подразумевают под «просвещенным абсолютизмом» «использование дворянским правительством в своих целях лозунгов, выдвинутых эпохой Просвещения, и про ведение под этими лозунгами некоторых реформ в целях приспособления позднефеодального государства к развивающимся капиталистическим отношениям и предотвращения антифеодальных движений».²³ И.А.Федосов отмечает, что подобная политика могла проводиться лишь в тех странах и на таком этапе, когда абсолютизм был еще относительно прогрессивен и не исчерпал полностью возможностей внутреннего развития. Во Франции второй половины XVIII в., по его мнению, не было никаких признаков такой политики.²⁴

Думается, однако, что оценка И.А.Федосова верна не столько относительно самой политики «просвещенного абсолютизма», а скорее относительно возможностей ее реального успеха в условиях кризиса феодально-абсолютистской системы М.А.Коган, напротив, считает Францию одной из стран, где политика «просвещенного абсолютизма» получила наиболее классическое выражение.

В середине XVIII в. во Франции наиболее очевидным выражением прогрессирующего упадка абсолютистской системы был глубокий финансовый кризис. В течение всех предреволюционных десятилетий поиски выхода из него являлись одной из главных побудительных причин реформаторских попыток абсолютизма. Первая по времени попытка такого рода связана с именем генерального контролера финансов Машо д'Арнувиля.

Как уже упоминалось, в мае 1749 г. по его инициативе был введен новый налог — двадцатина, поступления от которого предполагалось использовать для покрытия весьма многочисленных и существенно обременявших казну государственных долгов. В преамбуле вводившего данный налог эдикта указывалось, что выплата двадцатины должна будет обеспечиваться силами всех подданных королевства, ибо «ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение налога между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров их доходов». Налог распространялся тем самым и на привилегированные сословия, области и корпорации». Обложению подвергались четыре основных вида доходов земельный, доход духовенства, городов, провинций и отдельных лиц, доходы с должностей, доходы от промышленности и торговли.²⁵ При этом основной упор делался на обложение земельных доходов, которые являлись преобладающим типом дохода и легче подвергались учету. Не случайно именно двадцатина на земельные доходы стала главным объектом критики.²⁸ Эдиктом предусматривалось, что налогоплательщики представят в течение 15 дней декларации о своих доходах. Для проверки этих деклараций назначались контролеры, имевшие полномочия наказывать уклонявшихся от подачи таких сведений лиц, в том числе требовать в виде штрафа уплаты налога в двойном или даже в четверном размерах

В сущности, введенная Машо двадцатина приближалась к тому типу налога, необходимость которого обосновывали физиократы (единый территориальный налог на земельные доходы).²⁹ Возможно, при установлении двадцатины Машо действительно руководствовался принципами физиократической теории, но в эдикте о двадцатине подобной мотивировки нет, да это и естественно, поскольку в 1749 г. теоретических работ сторонников этой школы еще не существовало. Очевидно, в будущем Машо собирался сделать двадцатину основным прямым налогом, что подтверждается отсутствием ограничения срока ее взимания, отменой вскоре после ее введения некоторых прибавок к талье.

Реформаторская деятельность Машо не ограничивалась исключительно финансовой областью. По его инициативе был проведен ряд преобразований, отразивших некоторые новые тенденции правительственной политики в социально-экономической сфере. В августе 1749 г. был принят эдикт, направленный на ограничение так называемых имуществ мертвой руки (*biens de mainmorte*).³⁰ Этим эдиктом, в частности, духовенству запрещалось впредь без особого разрешения приобретать недвижимую собственность.³¹ Кроме того, за несколько лет до появления знаменитой «Экономической таблицы» Кенэ Машо осуществил ряд мероприятий в духе формировавшейся экономической теории физиократов.³² В 1754 г. было принято постановление о свободной циркуляции зерна внутри Франции, о его свободном экспорте из двух портов Средиземного моря; был также разрешен свободный ввоз в страну сырья (непряденой шерсти, металлов, хлопка, пеньки, козьего и верблюжьего волоса, нечесаного льна); постановлением 1753 г. разрешался свободный ввоз и вывоз удобрений и их неограниченная перевозка и продажа в провинциях; принимались конкретные меры по уменьшению цеховых ограничений. По словам французского историка Ж.Велерса, признанного специалиста по школе физиократов, в конце 40-х—начале 50-х годов XVIII в. впервые в истории Франции люди, стоявшие во главе администрации, проявили готовность принять новые идеи, а часто и сами пропагандировали их.³³

Преобразования экономического толка не вызвали сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны привилегированных. В то же время налоговая реформа, открыто посягнувшая на привилегии, встретила самое яростное противодействие, в котором важная роль принадлежала парламентам, и прежде всего — Парижскому. В поданных им королю ремонстрациях красноречиво описаны те вредные последствия, которые якобы будет иметь эта реформа: опустеют деревни, земли не будут обрабатываться. Все это повлечет за собой нарушение «святого феодального права», разорение дворянства — «души» королевства. В то же время магистраты пытаются создать видимость отстаивания интересов и определенных слоев третьего сословия. Автор ремонстраций задается вопросом, а есть ли необходимость в срочной выплате всех государственных долгов? Сохранение некоторых из них, подчеркивает он, в итоге повредило бы лишь небольшой группе финансистов, чьи огромные состояния и так кажутся подозрительными; следует скорее предпочесть затронуть их интересы, чем сознательно чинить препятствия свободному развитию торговли, промышленности и земледелия. Парламент выражает сомнение в возможности правильного использования средств, полученных от взимания двадцатины: «Не начнет ли ваш народ, сир, думать, что полученные в результате введения этого сурового налога средства будут использованы не по назначению?»³⁴ Он рекомендует королю иные пути оздоровления финансов: «...разумную экономию; тщательный контроль за тем, чтобы все, что взимается с ваших подданных, действительно попадало в казну вашего Величества; негибкую твердость по отношению к хищениям...»³⁵

Оппозиция парламентов налоговой реформе была, таким образом, весьма значительной. И все же в начале 50-х годов XVIII столетия главной силой, блокировавшей ее осуществление, оказались не парламента, а провинциальные штаты (особенно непримиримые в Лангедоке и Бретани) и выступившее единым фронтом французское духовенство.³⁶ Борьба длилась несколько лет. В конечном счете двадцатина была введена и даже превратилась к концу Старого порядка в один из основных прямых налогов, но изначальные принципы ее распределения и взимания были преданы забвению. «Справедливая» двадцатина выродилась в обычный, взимаемый почти исключительно с третьего сословия налог. Машо, как и его преемникам на посту генерального контролера финансов, так и не удалось принудить привилегированных платить ее наравне с остальным населением Франции.

Реформаторская деятельность Машо вызвала заметное социальное брожение, охватившее практически все привилегированные общественные слои, а также некоторые элементы третьего сословия. Кризис усугублялся тем, что противодействие налоговым преобразованиям Машо развивалось на фоне обострения религиозных противоречий, в центре которых находилось отношение к янсенизму — оппозиционному течению внутри католической церкви.³⁷ Духовенство, одновременно с выступлениями против налоговой реформы, резко усилило дискриминацию янсенистов. В то же время парламента, выступив против реформы Машо вместе с духовным сословием, взяли янсенистов под защиту, последовательно отстаивая их права от ущемлений со стороны католических клириков. Правительство, позицию которого в религиозном вопросе можно в целом квалифицировать как антиянсенистскую, в конце 40-х—начале 50-х годов не проводило сколько-нибудь отчетливого курса в этой области. В силу данного обстоятельства оно оказалось не в состоянии использовать наметившийся в рядах привилегированной оппозиции раскол и подавить сопротивление налоговой политике. Реформа Машо, как уже было отмечено, практически потерпела неудачу, не привнеся сама по себе заметных изменений в общественно-политическую жизнь Франции Старого порядка.

Гораздо более важное значение и далеко идущие последствия имела разгоревшаяся вокруг реформы политическая борьба. Одним из ее главных результатов стало выдвижение парламентов в центр общественной жизни страны, постепенное превращение их в рупор оппозиции абсолютистскому режиму. В противодействии налоговым преобразованиям Машо ведущая роль принадлежала еще духовенству.

Однако по мере того как налоговые проблемы отходили на второй план, а в фокусе борьбы оказывались религиозные вопросы, на авансцене общественно-политической жизни парламенты занимали все более заметное место. Их многочисленные и активные выступления в поддержку янсенистов можно, по-видимому, расценить не столько как приверженность магистратов какой-либо определенной религиозной доктрине, сколько как своего рода «пробу голоса» в оппозиции абсолютистскому режиму. Тон и содержание поданных в защиту янсенистов в 1750—1752 гг. ремонстраций явно не соответствовали степени активности правительства в религиозных вопросах. Уже на этом этапе оппозиция парламентов носила скрыто политический характер, парламенты лишь рядились в «религиозные одежды», которые им предстояло сбросить в самом скором времени.

Уже с начала конфликта, как бы в ответ на попытку Машо поставить под вопрос привилегии, парламенты, в свою очередь, начинают ставить под сомнение всю систему и доктрину «монархии божественного права» как абсолютной, никем и ничем не ограниченной королевской власти. Но более отчетливо политические претензии магистратов были сформулированы лишь в «Великих ремонстрациях 1753 г.» и в ремонстрациях 1755 г. В этих документах содержится требование о прямом контроле магистратов над всеми законами страны — не только существующими, но и вновь создающимися: «Пусть все законы королевства приобретают свой окончательный вид в вашем парламенте, сир».³⁸ Парламент, по мнению его членов, может внести в любой закон необходимые изменения, а также вообще отказаться зарегистрировать его. Выдвинутое магистратами требование на участие в осуществлении законодательной власти подразумевало ограничение монархии аристократической корпорацией.

Одновременно все более радикальный характер приобретали практические действия парламентов: магистраты отказывались от исполнения судебных функций и обсуждали на совместных заседаниях палат проблемы государственного устройства, проводили своеобразные «стачки», оказывая тем самым прямое неповиновение королевской власти, воздействовали на общественное мнение, распространяя ремонстрации и антиправительственную публицистику. Пытаясь справиться с растущей оппозицией парламентов, правительство отправило в ссылку парижских магистратов (1753—1754 гг.), а наиболее решительно настроенных подвергло тюремному заключению. Однако все эти меры лишь способствовали росту популярности парламентов. Имеющиеся факты позволяют предположить, что на стороне магистратов находились в те годы многочисленные представители третьего сословия, в особенности торгово-промышленной буржуазии, ремесленников, мелкого люда городов.³⁹

В первой половине 50-х годов резко усилилась солидарность различных парламентов Франции. В их среде появилась и обрела широкую популярность теория «единого парламента», согласно которой глава всей магистратуры — Парижский парламент, а отпочковавшиеся от него провинциальные палаты «основываются на тех же принципах, имеют те же цели, проникнуты тем же духом, что и он; все парламенты являются членами единой корпорации».

В сочетании с выдвинутыми ранее тезисами, что ни один закон не может войти в силу без согласия парламентов и что в случае необходимости магистраты имеют право изменять или даже отменять постановления самого короля, эта доктрина, подразумевавшая совместные действия всех парламентов, способствовала существенному увеличению мощи оппозиции и ограничивала суверенитет монарха.

Таким образом, в первой половине 50-х годов XVIII в. парламенты перешли в прямую политическую оппозицию абсолютизму. В 1756—1770 гг. они постепенно превратились в главный фактор политической нестабильности режима, в реальную политическую силу, пользующуюся широкой популярностью и поддержкой вследствие одной только своей оппозиционности. Растущие политические претензии магистратов, их противодействие любым финансовым мерам правительства, их нежелание идти на компромиссы, совместные решительные действия выступающих единым фронтом Парижского и провинциальных парламентов, наконец, стремление магистратов апеллировать к самой широкой аудитории — все это расшатывало и дискредитировало абсолютистскую власть.

Радикально изменить положение решил канцлер Мопу, предпринявший в 1770—1774 гг. судебную реформу, призванную не только и не столько улучшить систему судопроизводства, сколько устранить влиятельного политического противника.

На первом этапе реформы в декабре 1770 г. правительство попыталось подавить парламентскую оппозицию традиционными методами. В Парижский парламент был направлен специальный «дисциплинарный эдикт», в преамбуле которого парламент обвинялся в использовании «новых опасных идей». Особое опасение королевской власти вызывала усилившаяся солидарность парламентов, рост их политических претензий и покушение на единоличную законодательную власть короля, стремление магистратов выступать от имени нации и противопоставлять ее монарху. «Мы должны... задушить эти опасные новшества в зародыше»⁴², — говорилось в документе. Отчетливо выраженную политическую окраску имели и три статьи эдикта. В первой парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты между собой и обсуждать на заседаниях ремонстрации других палат. Статья вторая запрещала магистратам прерывать судопроизводство и коллективно уходить в отставку. Последняя статья подтверждала их право ремонстраций, но с оговоркой, что после регистрации любого правительственного акта им не разрешается препятствовать его исполнению.

Эдикт вызвал резкое сопротивление магистратов. 10 декабря столичный парламент прекратил работу, и ничто не могло принудить его к повиновению. В этих условиях власти приняли принципиально новое решение — радикально преобразовать всю парламентскую систему. «Бастующие» магистраты Парижского парламента подверглись высылке в отдаленные районы страны. «, Должности их были конфискованы. 23 февраля 1771 г. было объявлено о создании Высших советов (Conseils superieurs) на территории, находившейся прежде под юрисдикцией столичного парламента, — в Аррасе, Блуа, Шалоне, Клермон-Ферране, Лионе и Пуатье.⁴³ Являясь в своих зонах высшей кассационной инстанцией, эти Советы не могли регистрировать эдикты и подавать ремонстрации, как это делал прежний парламент. Одновременно был реорганизован Парижский парламент, а территория, подлежавшая его ведению, сильно урезана.⁴⁴ В нем, как и во вновь созданных Советах, были отменены система продажи должностей и традиционные узаконенные взятки. Судопроизводство провозглашалось бесплатным, новые судьи должны были получать от государства фиксированное жалованье. Назначение на все парламентские посты производилось теперь не парламентом, а правительством. Новые судебные органы были таким образом поставлены под прямой контроль королевской администрации и практически лишены возможностей эффективного официального противодействия правительственной политике.

Начиная со второй половины 1771 г. аналогичные преобразования были проведены и в провинциях, причем показательно, что наиболее глубоким изменениям подверглись те парламенты, которые в предшествующие годы проявляли особую активность в выдвижении политических требований. К примеру, парламент Руана, наиболее решительно настроенный среди провинциальных судебных палат, был распущен целиком, а его полномочия поделены между двумя вновь созданными Советами.

Завершив перестройку верхушки судебной системы, правительство предприняло некоторые шаги для преобразований различного рода мелких судебных палат. Но, поскольку они не представляли серьезной политической опасности для абсолютной монархии, здесь были проведены лишь незначительные изменения, отнюдь не означавшие всеобъемлющей трансформации системы судопроизводства.

И. Б. Берго

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ АБСОЛЮТИЗМУ
и ПОПЫТКИ РЕФОРМ в 1749—1776 годах

Vive Liberta и Век Просвещения 2009

Осуществленная Мопу реформа не была следствием какой-то конкретной программы, канцлер действовал эмпирически — следовал за развитием событий. Преобразования не носили глобального характера и коснулись лишь «верхушки» системы судопроизводства. Провозглашение бесплатного правосудия, улучшение территориальной сети высших судебных палат, отмена архаичной системы продажи должностей — все эти мероприятия были проведены под флагом рационализации судебной системы. Но введение принципа назначений на судебные посты сверху, зависимость новых судебных учреждений от абсолютистской власти не соответствовали тем требованиям реформы правосудия, которые уже были выработаны к тому времени передовой общественной мыслью.

Выявить позицию парламентов по отношению к реформе Мопу, основываясь на анализе одних ремонстраций, не представляется возможным. Канцлер действовал столь оперативно, что многие парламенты были буквально застигнуты врасплох и лишь некоторые из них успели принять отдельные постановления антиреформенного характера. Но вокруг реформы сразу же разгорелась развязанная магистратами памфлетная война. В ходе необычайно острой политической полемики был затронут комплекс вопросов, который выходил за рамки защиты только парламентских прав и прерогатив Широко дискутировался вопрос о правах и свободах нации, о представительных учреждениях, о характере государственного устройства.

Пропарламентские публицисты, среди которых были и члены парламентов, решительно оспаривали положение о принадлежности всей полноты верховной власти монарху Королю предоставляется в полном объеме лишь исполнительная власть. Законодательная и судебная функции, в трактовке противников реформы практически слитые воедино, не принадлежат монарху безраздельно — здесь его права ограничены существованием парламентских прерогатив, содержание которых публицисты этого лагеря понимают по-разному. Подавляющее большинство авторов развивали идеи, высказанные магистратами еще в 50-х годах XVIII в.: с их точки зрения, парламенты имеют право свободно обсуждать все законодательные акты правительства и затем либо принимать их в первоначальном виде, либо вносить в текст документов необходимые изменения, либо вообще отказаться их зарегистрировать. В другой, крайне немногочисленной группе памфлетов вопрос о законодательных прерогативах парламентов решался гораздо более последовательно; эти корпорации предстают в них как полноправные участники процесса создания законов. Утверждалось, что магистраты располагают всей полнотой законодательной власти, однако вопросы о законодательной прерогативе монарха, о соотношении полномочий короля и парламентов в этой области практически обходились.⁴⁵

Почти все оппозиционные публицисты отстаивали сохранение различных привилегий как необходимое условие реального ограничения королевского единовластия. Главную преграду «произволу» они видели в самих парламентах, но при этом часть памфлетистов считала важнейшими «оплотами свободы» также привилегии дворянства и духовенства, периодический созыв Генеральных штатов.⁴⁶ Некоторые авторы полагали, что главный «барьер деспотическому правлению» — вольности и свободы отдельных провинций.⁴⁷ И, наконец, еще в одной группе брошюр парламент мыслился как орган, представляющий «нацию», и именно в этом качестве являлся противовесом монарху. «Где мы теперь возьмем национальный орган, способный защитить нас от министерских злоупотреблений и почтительно указать королю, что он правит гражданами, а не рабами?», — спрашивает один из памфлетистов.⁴⁸ Проблема нации, ее прав и свобод — особый сюжет политической полемики, причем инициаторами дискуссии здесь выступили пропарламентские публицисты. Хотя в памфлетах этого лагеря не содержится связного определения понятия «нация», очевидно, что в трактовке оппозиционных публицистов «король» и «нация» являются категориями несовпадающими, более того, монарх — лишь исполнитель воли нации, которая по своей природе выше короля и обладает суверенной властью и широким комплексом прав и свобод.

Несмотря на яростную оппозицию реформе Мопу в первое время после ее проведения, к середине 1773 г. положение в стране начало стабилизироваться, судебная система успешно функционировала, новые магистраты справлялись со своими обязанностями. Постепенно угасла и памфлетная война. Из сохранившихся в Парижской Национальной библиотеке памфлетов периода реформы 250 относятся к 1770—1771 гг., 29 — к 1772 и лишь 3 — к 1773 г.⁴⁹ Казалось, абсолютизму удалось выйти победителем из политического противоборства с парламентами. Однако после смерти 10 мая 1774 г. Людовика XV и вступления на трон его наследника судебная реформа вскоре была отменена, Мопу получил отставку, и прерогативы прежних парламентов были восстановлены. Что же заставило пойти на такой шаг молодого короля, всего лишь четыре года назад приветствовавшего мероприятия канцлера 50? По всей вероятности, придя к власти, он почувствовал необходимость определенным образом отмежеваться от крайне дискредитировавшей монархию политики своего предшественника, сделать какой-нибудь эффектный жест, чтобы оправдать возлагавшиеся на него общественным мнением надежды. В сложившейся ситуации такой мерой как раз и могла стать отмена реформы Мопу. Препрежние парламенты в глазах общественного мнения сохраняли популярность как единственный оппозиционный режиму орган. К их восстановлению призывали авторы вновь появившихся брошюр и эпиграмм — их содержание перекликалось с памфлетами 1770—1773 гг. На Людовика XVI попытались оказать давление принцы крови и пэры, за которыми, очевидно, стояли широкие круги дворянства.

О восстановлении Парижского парламента и полной отмене осуществленных Мопу преобразований парламентской системы было объявлено на «королевском заседании» этой корпорации 12 ноября 1774 г. Затем аналогичные заседания были проведены в провинциях. Абсолютизм фактически сам возродил парламентскую оппозицию, продемонстрировав полную неспособность воспользоваться плодами собственной победы. Правительство само положило начало новой серии политических столкновений с парламентами: первый конфликт разгорелся вокруг реформ, предложенных назначенным на пост генерального контролера финансов Тюрго.

Без сомнения, реформы Тюрго представляют собой наиболее серьезную в истории Франции Старого порядка попытку преобразований в рамках феодально-абсолютистского строя. К.Маркс, оценивая деятельность этого министра-реформатора, называл ее «введением к французской революции», попыткой «предвосхитить» некоторые ее мероприятия.⁵¹

Тюрго, у которого «физиократическая система приняла наиболее развитый вид»⁵², был прежде всего экономистом, а не финансистом, и предложенные им мероприятия затрагивали главным образом социально-экономическую сферу. Короткий срок пребывания Тюрго на посту генерального контролера финансов (с 24 августа 1774 г. по 12 мая 1776 г.) можно разделить на два периода. В течение первого министр, опираясь на широкую поддержку общественного мнения, провел ряд мероприятий частного характера в экономической и финансовой областях, одновременно разрабатывая планы более широких реформ. Важной вехой на этом пути явилось принятие в сентябре 1774 г. ордонанса о свободе хлебной торговли, провозглашавшего необходимость свободной циркуляции зерна внутри страны⁵³, отменявшего фиксированные цены на хлеб и некоторые другие рыночные установления и регламенты⁵⁴, — ордонанса, названного Мишле «Марсельезой хлеба».⁵⁵ Однако в апреле—мае 1775 г. в Париже и некоторых других городах вспыхнули стихийные массовые волнения: народ требовал установления пониженных цен на хлеб. Началась так называемая «мучная война».⁵⁶ В самый разгар событий против политики правительства выступил Парижский парламента, добивавшийся установления в директивном порядке фиксированных цен на хлеб. Стремясь подчинить парламента, власти прибегли к процедуре «королевского заседания». Как отмечал один из очевидцев, аббат Вери, целью парламента было «показать себя в роли отца-покровителя народа, чтобы завоевать у него популярность. Магистратов совершенно не заботило, что, возможно, именно насильственное снижение цен уменьшит количество хлеба на рынке».⁵⁷

Движение вскоре удалось подавить, но положение Тюрго было поколеблено, его влияние и авторитет уменьшились. Однако он не только не отказался от дальнейших преобразований, но именно после «мучной войны» попытался воплотить в жизнь часть своего главного реформаторского проекта, так и не получившего, правда, окончательного теоретического оформления. Проект сводился к двум основным моментам — фискальному и политическому.⁵⁸ Реформа налоговой системы, предполагавшая упразднение фискальных привилегий и установление единого налога на все доходы с земельной собственности, должна была, по мысли Тюрго, иметь следствием повышение производительности сельского хозяйства, развитие промышленности, способствовать экономическому росту. В свою очередь, налоговая реформа дополнялась у Тюрго проектом создания муниципальной администрации, которая бы формировалась на выборной основе и могла бы реально положить конец многочисленным злоупотреблениям, имевшим место при сборе налогов.

По словам Э.Фора, во второй половине своей министерской деятельности, «встречая более твердое сопротивление, Тюрго решается на более резкое нападение. Он перегружает свой „поезд“ реформами в ту минуту, когда направляет его на шаткий мост».⁵⁹

В начале 1776 г. Тюрго обнародовал проект шести эдиктов, из которых наиболее важными были два: о полной ликвидации цехов и об отмене дорожной повинности (*corvée*)⁶⁰, заменявшейся денежным сбором с земельных собственников.⁶¹ Суммы, полученные в результате введения этого налога, должны были передаваться в финансовые округа — генеральства и использоваться в основном на местах. Предусматривалось создание кадров квалифицированных рабочих и ответственных подрядчиков. Расходование средств на строительство дорог и ремонтные работы подлежало тщательному контролю со стороны правительства; налог должен был взиматься лишь в соответствии со сметой, утверждаемой Государственным советом ежегодно.

Обоим эдиктам были предпосланы обширные преамбулы, содержавшие изложение ряда финансово-экономических принципов физиократической теории. Сами же статьи этих документов носили конкретный характер, касались в основном чисто технических моментов осуществления реформ. Другими словами, Тюрго не стремился акцентировать внимание на тех элементах налогового и гражданского равенства, которые объективно содержались в предложенных им преобразованиях. Однако привилегированные сразу почувствовали угрозу. В авангарде оппозиции, как обычно, оказались магистраты.

В ремонстрациях, поданных королю 4 марта 1776 г. Парижским парламентом, эдикт об отмене дорожной повинности подвергается яростной критике. Отбросив обычные демагогические приемы, парламент откровенно выступает в защиту налогового иммунитета первых двух сословий, ибо привилегии есть «опора порядка и спокойствия»⁶² и у каждого сословия свои определенные обязанности перед троном: духовенство ведает отправлением религиозного культа, дворянство проливает свою кровь и помогает королю советами, а третье сословие, которое «не в состоянии оказывать суверену столь же ценные услуги», платит налоги и исполняет различную физическую работу. Авторы ремонстраций высказывают опасение, что, подвергнув дворянство денежному сбору на дорожные работы, правительство вскоре попытается заставить его платить талью, что будет для этого сословия «немыслимым унижением». Они рассматривают отмену дорожной повинности как первое звено в цепи возможных нововведений, которые могут увлечь монарха «гораздо дальше, чем он сам того желает».⁶³ Главный пафос ремонстраций — в защите принципа сословного неравенства. Предполагаемая реформа якобы приведет к созданию «неприемлемой и абсурдной системы равенства» путем ликвидации «естественных и необходимых» различий между сословиями, т.е. разрушит «самые основы французской монархии». С тех же позиций оценивают магистраты эдикт об отмене цехов: это разрыв существующих в обществе связей, могущий привести к самым неблагоприятным последствиям.⁶⁴

Их крайне тревожит, что в результате этой реформы власти лишатся надежного средства контроля над городскими низами: «Существуют классы, за которыми необходимо постоянно надзирать... Это класс бедняков, которым нечего терять в случае волнений и беспорядков». Подмастерья, ученики, рабочие, освободившись от опеки цеховой системы, вообразят себя независимыми и окажутся способными на любые действия...»⁶⁵

Пытаясь влиять на широкую публику, составители ремонстраций приводили и некоторые иные доводы: необходимо уменьшать налоги, а не вводить новые; отмена дорожной повинности якобы повлечет резкое вздорожание продуктов; ликвидация цехов и введение принципа свободной конкуренции понизят качество изделий и вызовут всевозможные злоупотребления... Однако за этими доводами отчетливо прослеживается направленность ремонстраций — защита консервативных устоев, и прежде всего привилегий высших сословий.

Для утверждения упомянутых эдиктов 12 марта 1776 г. было проведено «королевское заседание» Парижского парламента. Вынужденные подчиниться, магистраты на следующий же день опротестовали решения, принятые на этом заседании, и постановили подготовить новые ремонстрации. Одновременно резко усилились нападки на Тюрго в придворных кругах. Его противники оказывали сильное давление на короля, действовали как в открытую, так и путем сложных закулисных интриг. Несмотря на то, что Тюрго удалось добиться регистрации эдиктов, его популярность уменьшилась. Фактически ни одна из реформ не обеспечила Тюрго поддержку какого-либо определенного слоя населения.⁶⁶ Победа, одержанная на «королевском заседании» 12 марта, оказалась пирровой: через два месяца, 12 мая, король дал Тюрго отставку. Несколько месяцев спустя были отменены все его основные реформы.

Оказавшись не в состоянии провести в жизнь реформаторскую программу Тюрго, абсолютистский режим отчетливо продемонстрировал полную неспособность что-либо решить. В то же время сама попытка проведения сверху, авторитарным путем реформ, содержащих в себе значительный потенциал социального переустройства, свидетельствовала об осознании общественными верхами необходимости серьезных преобразований. По своему размаху, по глубине разработки проблем, объективно поставленных развитием общества по буржуазному пути, программа Тюрго безусловно превосходила как все предшествовавшие ей проекты, так и выдвигавшиеся после ее провала.⁶⁷ В этом смысле деятельность Тюрго знаменует собой вершину реформаторских усилий французского абсолютизма.

Рассмотрение в хронологической последовательности трех попыток реформ, предпринятых французским абсолютизмом в третьей четверти XVIII в., показывает, что их неудача была в значительной степени обусловлена активным противодействием со стороны парламентов. Конечно, вряд ли было бы правильным расценивать парламентскую оппозицию как единственный фактор, предопределивший провал реформ Машо, Мопу и Тюрго. Тем не менее определенная корреляция этих двух явлений общественно-политической жизни — попытки реформ и нарастание парламентской оппозиции — не вызывает сомнений. Показательно, что именно с реформами связаны периоды подъема, заметной активизации парламентской оппозиции, хотя полное их хронологическое совпадение наблюдается и не во всех случаях. Характерно также, что противодействие парламентов играло с течением времени все большую роль в блокировании реформ.

Для выявления истоков этой взаимосвязи, ее внутренней логики и исторической обусловленности необходимо, с одной стороны, охарактеризовать сущность и направленность предпринятых абсолютизмом реформ, а с другой — определить, с каких позиций выступали против них французские парламенты.

Прежде всего, реформы эти были неоднородными по содержанию. Осуществленная Мопу перестройка судебной системы преследовала главным образом политические цели, в то время как деятельность Машо и Тюрго была ориентирована в основном на преобразования в социально-экономической и финансовой сферах. Вместе с тем эти реформы укладываются в определенное общее русло, ибо так или иначе они были направлены на укрепление абсолютизма, на сосредоточение в руках правительства всей политической и административной власти, на унификацию политической, экономической, налоговой систем. В представлении реформаторов именно абсолютизм выступал источником и гарантом необходимых преобразований, непосредственно контролировал их проведение.

Те же цели — укрепление абсолютистского государственного аппарата, адаптацию механизма государственно-политического управления к новой социальной действительности, которая в основе все более и более обретала буржуазное содержание, наконец, сохранение в руках абсолютистской власти контроля над социально-экономической сферой при одновременном проведении в жизнь принципов экономического либерализма — преследовало присущее в большей или меньшей степени всем трем реформам стремление к ограничению привилегий. Объективно мероприятия Машо, Мопу и Тюрго были направлены на приспособление надстроечных структур к буржуазным по характеру тенденциям социально-экономического развития французского общества.

Реформы, предложенные французскими государственными деятелями, были во многом сходны с реформами, проведенными приблизительно в тот же период в некоторых странах Европы, где аналогичная внутренняя политика получила название «просвещенного абсолютизма». Однако налицо были и некоторые серьезные различия. Прежде всего, во Франции реформаторская политика не носила систематического характера, она осуществлялась отдельными циклами в течение довольно длительного периода. Ее инициаторами выступили разные министры, деятельность которых вовсе не являлась осознанным продолжением политики предшественников. При этом только Тюрго руководствовался стройной и последовательной программой. Кроме того, французские реформаторы, за исключением лишь того же Тюрго, отнюдь не вдохновлялись идеалами Просвещения. Наконец, во Франции реформаторские попытки не увенчались даже относительным успехом, а потерпели полное поражение.

Что касается оппозиции парламентов проводимым реформам, то лейтмотивом их поведения была последовательная защита всего комплекса привилегий высших сословий и корпораций. Одновременно яростное противодействие магистраты оказывали стремлению абсолютизма к дальнейшей централизации и унификации аппарата государственного и административного управления. По сути дела, как выступления парламентов против реформ, так и вся политическая программа этих корпораций объективно имели отчетливо выраженную антиабсолютистскую направленность. И если в социально-экономической и финансовой сферах их противостояние реформам носило в основном чисто негативистский характер, то в политической области они выдвинули некоторую альтернативу абсолютистскому режиму, со всей определенностью формулируя требование ограниченной монархии, правда, имея в виду ее ограничение лишь привилегированной олигархической кастой, что было, по словам К.Маркса и Ф.Энгельса, «упорным, приукрашенным либеральными фразами отстаиванием цеховых интересов».⁶⁸ Их требование ограничения королевской власти представительством нации сводилось к претензии на исполнение этой функции привилегированными судебными палатами, прерогатива которых никоим образом не была связана с принципом выборности

Как серия правительственных реформ, так и выдвинутая парламентами политическая программа отражали реакцию высших слоев французского общества на новые тенденции общественного развития и частичное осознание ими необходимости определенных перемен. Однако эта реакция была разной у правительственных и парламентских кругов; выдвинутые ими программы во многом прямо противоречили друг другу. Налицо был раскол «верхов».

При этом ни та, ни другая программа не содержали в себе потенциала сколько-нибудь глубокого преобразования общественно-политической системы. Абсолютистскую программу можно оценить как попытки лишь несколько видоизменить эту систему, обеспечить ее функциональность в новых исторических условиях. Но даже для решения этой ограниченной задачи была необходима столь значительная трансформация социальных связей, государственных и административных структур, что она не могла не вызвать резкого протеста привилегированных слоев, прежде всего дворянства, лидером которого к середине XVIII в. стали парламенты. На том этапе парламентская оппозиция воплотила в себе невозможность для привилегированной верхушки безболезненно интегрироваться в новую систему общественных связей.

Возглавив общедворянскую оппозицию абсолютизму, парламенты в то же время явно стремились опереться на более широкие социальные силы. Во многих ремонстрациях присутствуют доводы, рассчитанные как на все третье сословие в целом (например, критика налогов), так и на отдельные его слои (торгово-ремесленную прослойку, мелкий городской люд, сельских производителей). Со второй половины XVIII в. парламенты превратились в ведущее звено всех оппозиционных абсолютизму сил, ибо в тот момент они были единственным легальным органом, способным формулировать требования в виде конкретных политико-юридических претензий. Структура и характер функционирования парламентов, их права и прерогативы, отсутствие в стране Генеральных штатов или других представительных учреждений — все это превращало их в серьезную политическую силу, которая могла объединить всех недовольных существующим положением.

В то же время абсолютизм постепенно оказался в серьезной социальной изоляции. Предложенные им реформы не получили поддержки третьего сословия и были встречены в штыки духовенством и дворянством.

С одной стороны, конфликт парламентов с правительством по поводу реформ представлял собой столкновение двух элементов абсолютистской государственной машины. В этом качестве и сам конфликт, и его итоги можно квалифицировать прежде всего как глубокий кризис всей абсолютистской государственно-политической системы, который начиная с 50-х годов XVIII в. приобрел необратимый характер. С другой — парламентская оппозиция — это самостоятельный общественно-политический феномен. В этом качестве парламенты были инициаторами политической борьбы с абсолютизмом, втягивали в нее широкие слои населения, выступали лидером складывающейся антиабсолютистской коалиции. Они способствовали политическому образованию и просвещению масс, вынося на суд широкой аудитории ряд острых вопросов государственного и общественного устройства. «Именно парламент, более чем какой-либо другой орган власти, втягивал парижский народ в политическую жизнь и давал ему политические уроки, которые он позже, в 1789 г., использовал против своих учителей», — замечает по этому поводу английский историк-марксист Дж.Рюде.⁶⁹ Своей политической деятельностью парламенты создавали принципиальную возможность постепенного формирования иной, гораздо более радикальной, социально-политической программы и иных, гораздо более радикальных и последовательных, организованных форм социально-политической борьбы. Тем самым парламенты одновременно готовили собственную гибель, неизбежную с началом буржуазной революции и падением абсолютистского режима. Лишь в этом смысле, т.е. рассматривая парламентскую оппозицию как политическое выражение объективно обусловленной тенденции к революционному ниспровержению абсолютистского строя, можно признать ее прологом, исторически необходимым этапом на пути французской буржуазной революции конца XVIII в.

1 Marion M. Machault d'Arnouville. P., 1891.

2 Flammermoni J. Le chancelier Maupeou et les parlements. P., 1885 P.584—585

3 Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке (1715—1789). СПб., 1902. С.193—195.

- 4 См. об этом. Адо А.В. Французская буржуазная революция и ее современные критики Новая и новейшая история. 1981, № 3; Далин В.М. Историки Франции. М., 1981. С.241—242.
- 5 Cobban A. The Parlements of France in the eighteenth Century History. 1950. 6 N 35; переиздана: Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968.
- 6 Cobban A. Aspects of the French Revolution. P. 75.
- 7 Ibid. 80.
- 8 Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. P., 1966. P. 56
- 9 Chaussinand-Nogaret G. Gens de finance au XVIIIe siecle P. et al. 1972. P.66—67.
- 10 Ibid. P.83.
- 11 Furet F Penser la Revolution francaise P, 1978 P 149
- 12 Laugier L. Un ministere reformateur sous Louis XV. Le Tnumvirat. P., 1975.
- 13 Ibid. P.608.
- 14 Цит. по Ловчев В.М. Западногерманская буржуазная историография Великой французской революции. Дис.канд.ист.наук. Казань, 1983. С.116.
- 15 Richet D La France moderne L'espnt des institutions P., 1973. P.36.
- 16 Doyle W. Origins of the French Revolution Oxford, 1980. P.77.
- 17 Doyle W. The Parlements of France and the Break down of the Old Regime 1771—1788. French Historical Studies. 1970. Vol.6. N 4.
- 18 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.4. С.314.
- 19 Soboul A. La Civilisation et la Revolution francaise P., 1970. P.254—259.
- 20 Soboul A. Sur la fonction histonque de l'absolutisme eclaireeclair. AHRF 1979. N 238. P.532.
- 21 Soboul A. La Civilisation. P.265.
- 22 Vovelle M. La chute de la monarchie. P., 1972. P.46.
- 23 См. Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). Документы советско-итальянской конференции историков 8—10 апреля 1968. М., 1970. С.53.
- 24 См. Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России. Вопр.истории. 1970. № 9.
- 25 См. Коган М.А. К истории просвещенного абсолютизма. ЛГПИ им.А.И.Герцена. 24-е Герценовские чтения. Сер.11. Л., 1971
- 26 Isambert F.A. Recueil general des anciennes lois francaises P., 1830. T.22. P.225.
- 27 Большинство из привилегированных к этому моменту уже успело откупиться от введенной в 1695 г. капитуляции
- 28 Marion M. Les impots directs sous l'Ancien Regime principalement au XVIIIe siecle. P., 1910. P.68—70.
- 29 Schnerb R. La repartition des impots directs a ia fin de l'ancien regime Revue d'histoire economique et sociale. 1962. N 2. P.131; Harsin P. La theorie fiscale des physiocrates Ibid. 1958. N 1. P.8—10; Lizerand G. Observations sur l'impot Ibid. P.34—35; Conan J. Les debuts de l'ecole physiocratique. Un faux depart: l'echec de la reforme fiscale Ibid. P.48.
- 30 Имелись в виду имущества, принадлежавшие белому или черному духовенству, не отчуждавшиеся и не подвергавшиеся никаким обложениям.
- 31 Isombert. Op.cit. T.22. P.226—236.
- 32 «Экономическая таблица Кенэ» (1758) была первой цельной экономической программой школы физиократов. См. об этом: Marion M. Machault d'Arnouville.
- 33 Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910. T.1. P.31.
- 34 Remonstrances du Parlement de Paris au XVIIIe siecle. P., 1888—1898. T.1. P.397—399, 400, 448—449.
- 35 Ibid. P.408.
- 36 Подробнее о сопротивлении штатов и духовенства см.: Marion M. Machault d'Arnouville.
- 37 См. о янсенизме: Cagnet L. Le jansenisme. P., 1961; Tavenaux R. Jansenisme et politique. P., 1965.
- 38 Remonstrances... T.2. P.31.
- 39 Barbier E. Chronique de la regence et du regne de Louis XV (1718—1763), ou Journal de Barbier, avocat au Parlement de Paris. P., 1858. T.6. P.11; La France au milieu du XVIIIe siecle (1747—1757) d'apres le Journal du marquis d'Argenson Extraits publ. par A. Brette. P., 1898. P.248.

- 40 Remontrances... Т.2. Р.138.
- 41 Пименова Л.А. Социально-политическая программа дворянства накануне Великой французской революции Новая и новейшая история. 1984 № 1. С.66.
- 42 Isambert Op.cit. Т.22. Р.506.
- 43 Ibid. Р.512—513.
- 44 Подробнее о судебном аспекте реформы Мопу см.: Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils superieurs d'apres la reforme de Maupeou (1771—1774). Р., 1937.
- 45 Tableau des differents ages de la Monarchie Francaise Les efforts de la liberie et du patnotisme contre le despotisme du Sr de Maupeou, Chancelier de France L., 1772. Т.2. Р.78 (Библиотека ИНИОН Шифр JC179).
- 46 Pnnctpes de la legislation francaise S.1, 1771.
- 47 Manifeste aux Normands, Essai histonque sur les droits de la Province de Normandie, Manifeste aux Bretons. Les efforts. L., 1773. Т.5.
- 48 Maupeouana, ou Correspondence secrete et famihere du Chancelier Maupeou avec son coeur Sorhouet. S.1., 1773. Pt.2. Р.19.
- 49 Catalogue de l'histoire de France P., 1854. Т.2. Р.430—445.
- 50 Laugier L. Op.cit. Р.145—146.
- 51 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.26, ч.1. С.38.
- 52 Там же. С.25.
- 53 Постановление 1754 г. и принятая в 1763 г. декларация о свободе хлебной торговли предусматривали целый ряд ограничений. В 1770—1771 гг. эта относительная свобода была отменена сторонником жесткой регламентации аббатом Террэ.
- 54 Isambert. Op.cit. Т.23. Р.30—39.
- 55 Цит по: Фор Э Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. С.10.
- 56 Об этом см.: Rude G. La taxation populaire de mai 1775 a Paris et dans la region parisienne. AHRF. 1956. N 143.
- 57 Journal de l'abbe de Veri. Р., 1928 Т.1. Р.293.
- 58 См.: Фор Э. Указ.соч. С.369—374.
- 59 Там же. С.23.
- 60 Эта повинность заключалась в принудительных работах крестьян по строительству и ремонту дорог несколько дней в году.
- 61 Isambert. Op.cit. Т.23. Р.358—370, 370—386.
- 62 Remontrances... Т.3. Р.313.
- 63 Ibid Р 288, 291.
- 64 Ibid Р 279.
- 65 Ibid Р 309, 332—333.
- 66 Фор Э. Указ.соч. С.468.
- 67 В 1777—1789 гг. имели место еще несколько более или менее значительных попыток правительственных реформ. Среди них прежде всего заслуживают упоминания мероприятия Неккера (1777—1781 гг.) и Калонна (1783—1787 гг.). Ограниченность (Неккер) и эклектичность (Калонн) названных реформ послужили лишним подтверждением утраты французской монархией способности к политическому маневрированию, к позитивному решению общенациональных проблем. О реформах Неккера и Калонна см. Egret J. Necker, ministre de Louis XV (1776—1790) Р., 1975, Лебедева Е.И. К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции Проблемы новой и новейшей истории М, 1983.
- 68 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.6 С.149.
- 69 Рюде Дж. Народные низы в истории 1730—1848. М., 1984. С.67. [см. в нашей библиотеке главы этой книги]